

(Окончание. Начало на стр.8-9)

Изложение заседания Секретариата Союза писателей СССР 22 сентября 1967

Присутствовало около 30 секретарей СП и т. Мелентьев из Отдела культуры ЦК. Председательствовал К.А.Федин. Заседание по разбору писем писателя Солженицына началось в 13 часов, окончилось после 18 часов. <...>

Корнеевчук. — У меня вопрос к Солженицыну. Как он относится к той разнузданной буржуазной пропаганде, которая была поднята вокруг его письма? Почему он от неё не отмежевывается? Почему спокойно терпит? Почему его письмо западное радио начало передавать ещё до съезда?

Федин предлагает Солженицыну ответить.

Солженицын указывает, что он — не школьник высказывать на каждый вопрос, у него будет выступление, как и у других.

Федин говорит, что можно собрать несколько вопросов и ответить на все вместе.

Баруздин. — Хотя Солженицын возражает против обсуждения пьесы «Пир победителей», но нам волей-неволей приходится говорить об этой пьесе. Вопрос: какова была необходимость Солженицыну вообще называть эту пьесу в письме съезду, упоминать её?

Салынский. — Я прошу, чтобы Солженицын рассказал, кто, когда и при каких обстоятельствах изыал эти материалы? Просил ли автор о возвращении их? Кто просил?

Федин предлагает Солженицыну ответить на собиравшиеся вопросы.

Солженицын повторяет, что ответит на вопросы при выступлении.

Федин, поддерживая другими. — Но Секретариат не может приступить к обсуждению, не имея ответа на эти вопросы.

Ропот голосов. — Солженицын может вообще отказаться разговаривать с Секретариатом, пусть об этом заявит.

Солженицын. — Хорошо, я отвечу на эти вопросы. Это неверно, что письмо стали передавать по западному радио до съезда: его стали передавать уже после закрытия съезда, и то не сразу. (Далее буквально): «Здесь употребляют слово "заграничные" и с большим значением, с большой выразительностью, как какую-то важную инстанцию, чьим мнением очень дорожат. Может быть, это и понятно тем, кто много творческого времени проводит в заграничных поездках и наводняет нашу литературу летучими заметками о заграничье. Но мне это странно. Я никакой заграничье не видел, не знаю, и жизненного времени у меня нет — узнавать её. Я не понимаю, как можно так чувствительно считаться с заграничьем, а не со своей страной, с её живым общественным мнением. Под моими пошвами всю мою жизнь — земля отечества, только её боль я слышу, только о ней пишу».

Почему пьеса «Пир победителей» была упомянута в письме съезду? — это ясно из самого письма: чтобы протестовать против незаконного «изыания» и распространения этой пьесы вопреки воле автора и без его ведома. Теперь относительно изыятия моего романа и архива. Да, я несколько раз, начиная с 1965 года, писал в ЦК по этому поводу, протестовал. (Далее буквально): «Но за последнее время изобретена новая версия об изыятии моего архива. Будто бы тот человек, Теуш, у которого хранились мои рукописи, был связан с другим ещё человеком, которого не называют, а того задержали на таможне, неизвестно какой, и что-то нашли (не называют что), не моё нашли, но решили меня оберечь от такого знакомства. Всё это — ложь. У знакомого моего Теуша два года назад было следствие, но такого обвинения ему даже не выставлялось. Хранение моё было обнаружено обыкновенной уличной слежкой, подслушиванием телефонных разговоров и подслушиванием в комнате. Но вот примечательно: едва появилась новая версия — она единым толчком обнаруживается в разных местах страны: лектор Потёмкин только что изложил её многолюдному собранию в Риге, один из секретарей СП — московским писателям. Причём от себя он добавил и своё измышление: что всё

это я будто бы признал на прошлой встрече в Секретариате. А об этом у нас и разговора не было. Не сомневаюсь, что скоро начну со всех концов страны получать письма о распространении этой версии».

Вопрос. — Ответил ли редакцией «Нового мира» повесть «Раковый корпус» или принята?

Абдумомунов. — Какое разрешение требуется «Новому миру» на печатание повести и от кого?

Твардовский. — Вообще решение печатать или не печатать ту или иную вещь — в компетенции редакции. Но в данной ситуации, сложившейся вокруг имени автора, решать должен Секретариат Союза.

Воронков. — Солженицын ни разу не обращался непосредственно в Секретариат Союза писателей СССР. После письма Солженицына съезду у товарищей из Секретариата было желание встретиться, ответить на вопросы — поговорить и помолчать. Но после того как письмо появилось в тиражной буржуазной прессе, а Солженицын никак не реагирует...

Твардовский. — Ну, точно как Союз писателей!

Воронков. — ...это желание отпало. А тут вот появилось второе письмо. Оно ультимативно, оскорбительно, недостойно нашей писательской общественности. Сейчас Солженицын упомянул об одном «секретаре», дававшем информацию партийному собранию московских писателей. Секретарь этот — я. Вам поспешили передать, но плохо передали. Об изыятии ваших вещей я только то сказал на последнем собрании, что вы признали, что отобранные вещи — ваши, и что обыска у вас дома не было. После вашего письма съезду мы, естественно, сами запросили — почтительные все ваши произведения. Но нельзя так грубо обращаться с нашими товарищами по труду и по перу! А вы, Александр Трифонович, если считаете нужным печатать эту повесть, и если автор примет ваши исправления, — так и печатайте сами, при чём тут Секретариат?

Твардовский. — А с Бекон как было? И Секретариат занимался, и рекомендовал — и всё равно не печатали.

Воронков. — Но меня сейчас больше всего интересует гражданское лицо Солженицына: почему он не реагирует на гнусную буржуазную пропаганду? И почему так обращается с нами?

Мусуренов. — И у меня вопрос. Как это он пишет в письме: более высоко стоящие товарищи выражают сожаление, что я не умер в лагере? Какое право он имеет так писать?

Твардовский. — И по каким каналам письмо могло попасть на Запад?

Федин предлагает Солженицыну ответить на собиравшиеся вопросы.

Солженицын. — Да то ли ещё обо мне говорили! Лицо, занимающее очень высокое положение и сегодня, заявил публично, что сожалеет: не он был в составе той тройки, которая выносила мне приговор в 1945 году, он бы тогда приговорил меня к расстрелу!.. Здесь моё второе письмо истолковывают как ультиматум: или печатайте повесть, или её на Западе напечатан. Но этот ультиматум не я ставлю Секретариату, а вам и мне вместе ультиматум этот ставит жизнь.

(Запись вела в ходе заседания А.Солженицыным.)

С Корнеем Ивановичем Чуковским на его даче в Переделкине

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МСТИСЛАВА РОСТРОПОВИЧА

Главным редактором газет: «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советская культура»

Уважаемый товарищ редактор!

Уже не стало секретом, что А.И.Солженицын большую часть времени живет в моем доме под Москвой. На моих глазах произошло и его исключение из Союза писателей — в то самое время, когда он усиленно работал над романом о 1914-м годе, и вот теперь награждение его Нобелевской премией и газетная кампания по этому поводу. Эта последняя и заставляет меня взяться за письмо к Вам.

На моей памяти уже третий советский писатель получает Нобелевскую премию, причем в двух случаях из трех мы рассматриваем присуждение премии как грязную политическую игру, а в одном (Шолохов) — как справедливое признание ведущего мирового значения нашей литературы.

Если бы в свое время Шолохов отказался бы принять премию из рук, присудивших ее Пастернаку «по соображениям холодной войны», я бы понял, что и дальше мы не доверяем объективности и честности шведских академиков. А теперь получается так, что мы, избирательно, то с благодарностью принимаем Нобелевские премии по литературе, то бранимся.

А что если в следующий раз премию присудят Т. Кочетову? — ведь нужно будет взять!

Почему, через день после присуждения премии Солженицыну, в наших газетах появляется странное сообщение о беседе корреспондента «Икс» с представителем Секретариата Союза писателей «Икс» о том, что вся общественность страны (то есть, очевидно, и все ученые, и все музыканты, и т.д.) активно поддержали его исключение из Союза писателей?

Почему «Литературная газета» тенденциозно подбирает из множества западных газет лишь высказывания американской и шведской коммунистических газет, обходя такие несравненно более популярные и значительные коммунистические газеты, как «Юманите», «Летр франсез», «Унитат», не говоря уже о множестве некоммунистических?

Если мы верим некоему критику Боноски, то как быть с мнением таких крупных писателей, как Бёль, Арагон, Франсуа Мориак?

Я помню и хотел бы напомнить Вам наши газеты 1948 года. Сколько вздора писалось там по поводу признанных теперь гигантов нашей музыки С.С.Прокофьева и Д.Д.Шостаковича.

Например:

«Т. Д.Шостакович, С.Прокофьев, В.Шебалин, Н.Мясковский и другие! Ваша атональная дисгармоничная музыка органически чужда народу... формалистическое трюкачество возникает тогда, когда налицо имеется немного таланта, но очень много претензий на новаторство... мы совсем не воспринимаем музыки Шостаковича, Мясковского, Прокофьева. Нет в ней лада, порядка, нет широкой напевности, мелодий».

Сейчас, когда посмотрю на газеты тех лет, становясь за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфоний-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Мясковского, Хачатуряна.

Неужели прошедшее время не научило нас осторожно относиться к сокращению талантливых людей? Не говорить от имени всего народа? Не заставлять людей высказываться о том, что они попросту не читали или не слышали? Я с гордостью вспоминаю, что не пришел на собрание деятелей культуры в ЦДРИ, где поносили Пастернака и намечалось мое выступление, где мне «поручили» критиковать роман «Доктор Живаго», в то время мною еще не читанный.

В 1948 году были списки запрещенных произведений. Сейчас предпочитают устные запреты, ссылаясь, что «есть мнение», что это не рекомендуется. Где и у кого *есть мнение*, — установить нельзя. Почему, например, Галине Вишневской запретили исполнять в ее концерте в Москве блестящий вокальный цикл Бориса Чайковского на слова И.Бродского? Почему несколько раз препятствовали исполнению цикла Шостаковича на слова Саши Черного, хотя тексты у нас были изданы?

Почему странные трудности сопровождали исполнение 13-й и 14-й симфоний Шостаковича? Опять, видимо, «было мнение». У кого возникло «мнение», что Солженицына надо выгнать из Союза писателей? — мне выяснить не удалось, хотя я этим очень интересовался. Вряд ли пять рязанских писателей-мушкетеров отважились сделать это сами без таинственного *мнения*.

Видно, *мнение* попомало моим соотечественникам и узнать проданный нами за границу фильм Тарковского «Андрей Рублев», который мне посчастливилось видеть среди восторженных парижан. Очевидно, *мнение* же попомало выпустить в свет и «Раковый корпус» Солженицына, который уже был набран в «Новом мире». Вот когда б его напечатали у нас, — тогда б его открыто и широко обсудили на пользу автору и читателям.

Я не касаюсь ни политических, ни экономических вопросов нашей страны. Есть люди, которые в этом разбираются лучше меня. Но объясните мне, пожалуйста, почему именно в нашей литературе и искусстве так часто решающее слово принадлежит людям, абсолютно некомпетентным в этом? Почему даётся им право дискредитировать наше искусство в глазах нашего народа?!

Я верю старое не для того, чтобы брехать, а чтобы не пришло в будущем, скажем, еще через двадцать лет, стыдливо припрятывать сегодняшние газеты.

Каждый человек должен иметь право безбоязненно, самостоятельно мыслить и высказываться о том, что ему известно, лично продумано, пережито, а не только слабо варьировать заложенное в него *мнение*.

К свободному обсуждению без подсказок и опериваний мы обязательно и придем!

Я знаю, что после моего письма непременно появится *мнение* и обо мне, но не боюсь его и откровенно высказываю то, что думаю. Таланты, которые составляют нашу гордость, не должны подвергаться предварительному избиению. Я знаю многие произведения Солженицына. Люблю их. Считаю, что он выстрадал право искать правду, как ее видит, и не вижу причины скрывать свое отношение к нему, когда против него развернута кампания.

Мстислав Ростропович
31 октября 1970 года

Мстислав Леопольдович Ростропович у А.И.Солженицына в Рождество-на-Истье. Лето 1969

Здрав и счастия

задачу я выполняю при всех обстоятельствах

А.И.Солженицын с женой и сыном Ермолаем

ОТВЕТЫ А.Д.САХАРОВА НА ВОПРОСЫ ФРАНЦУЗСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Эти вопросы были заданы по телефону, но задавших их не смог больше соединиться со мной. Видимо, в таких случаях отмечают, что мой телефон неисправен. Я считаю нужным опубликовать это несостоявшееся телефонное интервью.

Вопрос: Действительно ли Вы и Солженицын, как сказал во Франции Жорж Марше, представляете собой лишь одинокую, далекую от народа группу разрозненных диссидентов?

Ответ: Я думаю, что Солженицын, так же как и я, не выражает мнения какой-либо группы диссидентов, а свою личную позицию, свое понимание истории и положения народа. В книге «Архипелаг ГУЛаг» он опирается на свой личный опыт, рассказы очевидцев, архивные материалы и говорит от имени тех, кто не вернулся с островов этого архипелага. Много ли людей разделяют его позицию? Кто это может сказать в нашей стране, где Солженицына не печатают, где из библиотек изыали то немногое, что было напечатано, где за чтение его книг дают сроки и где никто не проводит социологических исследований о том, как широко распространен Солженицын в «самиздате». Но гораздо важнее — клевета или правда то, о чем он пишет. Все, с кем я когда-либо говорил о Солженицыне, убеждены, что он пишет правду.

Вопрос: Как, по Вашему мнению, реагировал бы советский народ, большинство трудящихся, если бы они имели возможность прочесть книгу Солженицына?

Ответ: Я уверен, что интерес к этой книге у всего читающего населения был бы большой, даже при разном отношении к ее содержанию. Большинство советских людей всех слоев населения знают о преступлениях и ужасах, описанных в книге Солженицына. Некоторые отгораживаются от себя мыслями об этом, другие не в состоянии осудить собственное прошлое, но есть и третьи, которые увидят в книге судьбу своих отцов, судьбу двух поколений, пропавших «без права переписки». Во всяком случае, нравственное значение этой книги огромно именно для людей нашей страны.

Вопрос: Вас и Солженицына многие обвиняют в том, что вы являетесь врагами социализма, Солженицына даже называют фашистом. Правильно это?

Ответ: Первая часть Вашего вопроса несерьезна, поскольку никто не знает, что такое социализм, каким надежит ему быть. Страну, в которой живет Солженицын и живу я, мы оба любим, но никак не за то, что ее строй называется так или иначе. С беспримерным мужеством и талантом Солженицын исполняет свой долг писателя, взывая к нашей памяти не для того, чтобы кого-то судить или казнить, но чтобы память сохранила нас людьми. Назвать его фашистом может только тот, кто не хочет помнить, что это такое на самом деле.

Вопрос: Преступления, о которых пишет Солженицын, — это преступления системы или одного человека?

Ответ: Я думаю, что глубинная причина

АРЕСТОВАН СОЛЖЕНИЦЫН

Наступило пятое действие драмы. Позор стране, которая допускает, чтобы оскорбляли ее величие и славу.

Беда стране, у которой пишущими вырывают язык.

Несчастье народу, который обманывают. Благословение и поддержка человеку, который сейчас, грубо разлученный с семьей и друзьями, обогативший перед своим народом — вот сейчас, сию минуту — ведет свой беззвучный поединок с беззаконным насилием.

Людия Чуковская

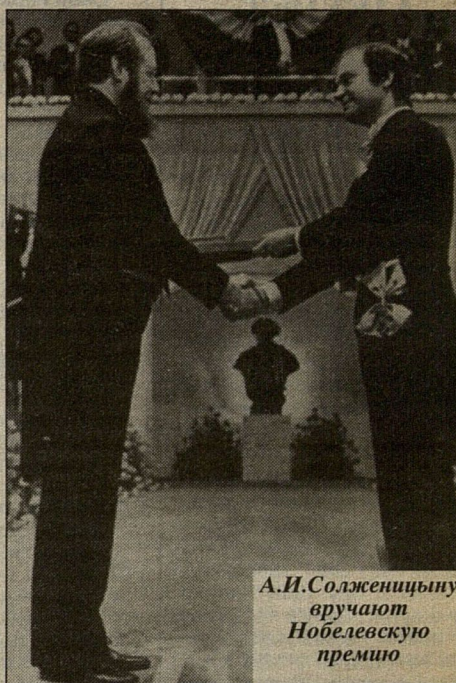
Москва, 12 февраля 1974 г. 23 часа.

СООБЩЕНИЕ ТАСС

Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, несовместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических республик, лишён гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А.И.

Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтёт необходимым.

«Правда», 14 февраля 1974 года.

А.И.Солженицын вручают Нобелевскую премию

ПРЕДАТОК НЕТ МЕСТА НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Своими активными антисоветскими выступлениями последнего времени, направленными против дела мира и мирного сосуществования народов, господин Солженицын сам исключил себя из дружной семьи советских людей. Наше правительство поступило логично, выдворив его из Советского Союза. Это можно только приветствовать. Как говорили наши предки: худую траву с поля вон!

Борис Полевой
«Правда», 17 февраля 1974 года.

Солженицын покинул свою страну не навсегда. Не исключено, что он вернется на родную землю через несколько лет, и мы сможем устроить ему почетную и дружескую встречу. Но при любых поворотах судьбы Солженицын вернется в нашу страну в своих книгах, и он по праву займет место в рядах ее самых великих сыновей.

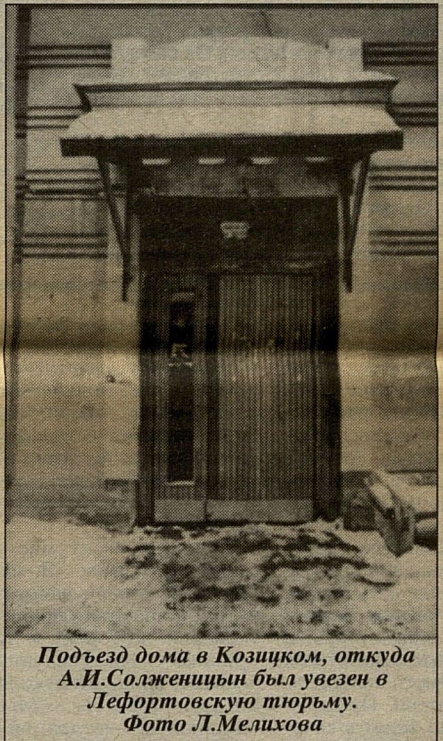
Рой Медведев
Москва, 17 февраля 1974 года

Последняя фотография А.И.Солженицына до изгнания. Во дворе дома в Козицком, февраль 1974

Подготовили к печати Владимир ГЛОЦЕР и Елена ЧУКОВСКАЯ

● Фотографии из книги А.Солженицына «Бодялся теленок с дубом. Очерки литературной жизни». (М.: Согласие, 1996)

Подъезд дома в Козицком, откуда А.И.Солженицын был увезен в Лефортовскую тюрьму. Фото Л.Мелихова

ПРИКАЗ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАИН В ПЕЧАТИ 10 д-ля «служебного пользования» от 14.02.74 г.

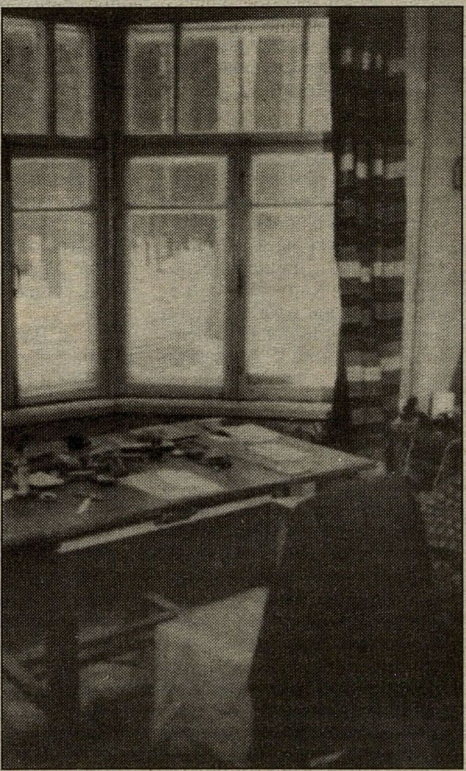
Об изыятии из библиотек общественного пользования произведений А.И.Солженицына: «Один день» Ивана Денисовича. («Новый мир», № 11, 1962; Роман-газета. М., № 1 (227), 1963; «Советский писатель», 1963); «Случай на станции Кречетовка» («Новый мир», № 1, 1963); «Матренин двор» («Новый мир», № 1, 1963); «Для пользы дела» («Новый мир», № 7, 1963); «Захар-Кали-та» («Новый мир», № 1, 1966).

Нач. Главного Управления по охране государственных тайн в печати Романов

В СЕКРЕТАРИАТ МО СП РСФСР

<...> Нам не о чем говорить, не о чем спорить, потому что я выражаю свое мнение, а вы — какое приказут... Тоже — ваше оружие. Вы обогнали и помогли вытолкнуть из страны величайшего ее гражданина. Вы думаете, что теперь вам скопом улетает звать его место. Ошибаетесь. Места в великой русской литературе распределяются пока что не вами. И ни одному из вас не удастся пристроиться хотя бы в самом последнем ряду.

Из письма Владимира Войновича. 19 февраля 1974 года

Рабочий стол А.И.Солженицына в Переделкине как он остался 11 февраля 1974 после отъезда А.И. к семье в Москву, где он был арестован и затем выслан